

ГЛАВА X.

СТАРОВѢРЪ ПАПУЛИНЪ.

Тайнственные дома.—Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора.—Совратитель.—Ворьба и нимъ.—Успѣхи пропаганды.—Постный товаръ.—Успѣхи безпоповщины.—Женскій вопросъ.—Бѣгствующая церковь.—Параллель между двумя расколами.—Необычайный успѣхъ еедосѣвщины.—Гоненія и упорство.—Посадъ Судиславль.—Свѣтопреставленіе.—Папулинская община.—Совѣщанія.—Торжественныя моленія.—Старая икона и старая икона.—Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ.—Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности.—Торговля иконами.—Семень Кузьминъ.—Соловецкая тюрьма.—Гдѣ правда?

Мало найдется въ сѣверной лѣсной Россіи такихъ городовъ, въ которыхъ не было бы тайнственныхъ деревянныхъ домовъ, окруженныхъ высокими бревенчатыми заборами и построенныхъ отступя отъ жилищъ на версту и менѣе. Лишь только городъ старинный, знакомый лѣтописямъ и, въ особенности, издревле торговый и теперь не въ особомъ упадкѣ, бывало, ищи въ немъ по ближнимъ околицамъ, гдѣ полагается быть кладбищамъ, эти застоявшіяся, почернѣлыя зданія съ обрѣшетившеюся крышею и окруженныя обросшими мохоу и пожелтѣлыми заборами. Казались эти крѣпостцы совершенно забытыми и давно покинутыми; видимо, въ нихъ никто не живетъ и онѣ какъ будто ждали хорошей бури съ вьюгою, чтобы совершенно разсыпаться. Въ окрестномъ народѣ объ этихъ зданіяхъ, обыкновенно, рассказывались невѣроятныя басни, порождаемыя именно ихъ тайнственнымъ видомъ, всегда крѣпко запертыми воротами и вѣчнымъ меланхолическимъ безмолвіемъ. Всѣ рассказы плелись, обыкновенно, какъ лапотъ, на одну колодку и также съ подковыркою. Въ такомъ лживомъ видѣ переходили они и въ официальные бумаги и въ печать. Ревнивъ и безпокоенъ открыто живущій человекъ къ тѣмъ, которые уединяются и прячутся за заборомъ. Любопытство мучится желаніемъ проникнуть въ сокровенное, стучится въ дверь и, въ досадѣ на крѣпкіе запоры, спѣшитъ утѣшиться всякою формою фактастическихъ рассказовъ. Ночью тамъ видятся невидимые огни, слышится топанье босыхъ ногъ и хлопанье плясокъ; затѣмъ предполагается мгновенно наступающая темнота и начинающееся содомское бѣсовское дѣйство.

На самомъ дѣлѣ, старикъ съ бородою по чресла, одинокій и никогда не скучающій, зажегъ лучину или огарокъ и, при вспыскахъ слабо мерцающаго свѣта, точаетъ кривымъ шиломъ настоящій лапотъ. Надоѣсть ему работа, выйдетъ онъ провѣтриться и прислушаться, съ какой стороны дуетъ непогода, не собирается ли дождь (поясничу что-то поламываетъ). Вотъ взвыли волки; долетѣлъ изъ города звукъ соборнаго колокола, въ который ударилъ другой

такой же сторожъ; крикнулъ на лошадь, подъ самымъ заборомъ, проѣзжающій на базаръ мужичекъ изъ ближнихъ деревень и т. п. Воробъ бояться дряхлому старику нѣтъ нужды: или тутъ взять нечего! Лежатъ безмолвно и неисходно въ землѣ покойнички и стоятъ надъ ихъ могилками также полуразвалившіеся голубцы, въ видѣ бревенчатыхъ срубовъ съ двускатными кровельками и крестникомъ. Ихъ пробовали было запрещать закономъ, но старовѣры отбили себѣ это право и продолжали держаться и въ этомъ, какъ и во всемъ, стариннаго русскаго обычая.

Тайнственные подгородныя избы были, въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ старовѣрскія кладбища, а если стояли за высокимъ заборомъ, то почти навѣрное — безпоповщинскіе молитвенные дома, по большей части весьма распространеннаго еедосѣвскаго согласія. Изъ многихъ десятковъ такихъ безмолвныхъ, какъ страшная могила, зданій мнѣ яснѣе и знакомѣе прочихъ помнятся два, со времени далекаго дѣтства. Оба примыкали къ выгонамъ и стояли за обывательскими огородами, подобно знаменитымъ столичнымъ кладбищамъ: Преображенскому въ Москвѣ и Волкову въ Петербургѣ, кровнородственнымъ по единомыслию и находившимся, не смотря на разстоянія, въ тѣснѣйшей дружественной связи. Оба знакомыя мнѣ также примыкали къ выгонамъ древнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ Галичъ, былъ славенъ и гремѣлъ на всю Нижегородскую и Суздальскую земли еще во времена Дмитрія Шемяки, а другой, Судиславль, сохранившій почтенное древнее имя, забылъ, за давностью времени, даже годъ своего основанія и давно утералъ всѣ документы, свидѣтельствующіе объ его аристократическомъ происхожденіи.

Въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ подобныя загородныя строенія мало по малу стали дѣлаться рѣдкостью; они или снесены, или переведены въ самые города или же замѣнены новыми зданіями. Въ сороковыхъ годахъ они были еще цѣлы и по нимъ можно было наблюдать за явленіемъ нѣкотораго чуда и повѣрять нравственныя качества мѣстныхъ правящихъ

властей. Чудо заключалось въ томъ, что утлыя зданія, казавшіяся сложенными изъ гнилушекъ и покрытыми ободранными крышами, продолжали себѣ стоять неизблемо и несокрушимо. Строго заказано было не только строить новыя зданія, но и подновлять старыя. Всякая свѣжая заплатка на кровлѣ, всякая новая доска на обшивкѣ, даже колъ, приставленный къ пошатнушемуся забору, порождали цѣлыя судебныя дѣла, вызывали наѣзды временныхъ отдѣленій съ понятными, производили народныя толки между православными и волненія съ опасливымъ страхомъ среди старовѣровъ. Умные и осторожные изъ нихъ замѣняли совершенно сгнившія бревна и доски, пропускавшія течь, поддержанными, но крѣпкими, чтобы не было бросающихся въ глаза оказательствъ. Смѣлые и рѣшительные испрашивали разрѣшенія властей (при помощи денежнаго вноса, сообразно со степенью опасности для самого начальства) и подводили подъ зданіе новыя вѣнцы изъ крѣпкихъ мелкослойныхъ и смолистыхъ сосновыхъ бревенъ. Вліятельные и богатые держали сооружать совершенно новыя молитвенные дома, лишь оберегая ихъ назначеніе какимъ либо отводомъ и прикрывая ссылкой на одинъ изъ видовъ заводскихъ, ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство надо считать большою рѣдкостью, весьма исключительнымъ явленіемъ, такъ сказать, знаменательнымъ историческимъ фактомъ въ жизни едосѣвщины, по чрезвычайной трудности осуществленія дерзостной мысли.

Одно изъ подобныхъ сооружений красовалось (по почтовой дорогѣ въ г. Макарьевъ изъ Костромы) всего въ одной верстѣ отъ этого заштатнаго города Судиславля. Прѣзжая гимназистами на вакацію, мы могли любоваться не только дерзкою красною крышею, но и внушительными размѣрами новыхъ зданій, очень похожихъ на фабрику. Строенія эти, кажется, такъ и назывались. Строилъ и владѣлъ ими судиславскій купецъ Папулинъ, безпопонецъ едосѣвскаго толка, „батьюшко-отецъ“, „батьюшко Николай Андреевичъ“, какъ звалъ его весь окольный сѣрый народъ и городское мѣщанство, щеголявшее въ синихъ сибиркахъ по милости его же, батьюшки-отца Николая Андреевича.

Я какъ сейчасъ вижу эту бороду, которая вошла въ залу мѣстнаго вліятельнаго чиновника, не кланяясь глубоко въ поясъ, а какъ будто бы даже приподнявшись повыше, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Какъ вошелъ твердо и рѣшительною поступью этотъ старый человѣкъ, такъ и заговорилъ, обращаясь къ хозяину и, конечно, не обращая никакого вниманія на молоденькаго гимназиста.

— Хлѣбъ-соль про меня нынче будетъ?

— Какую велишь; про тебя всякая есть.

— Такъ вотъ я на подстилочку скатертку маленькую принесъ тебѣ.

И вынулъ онъ, развернувъ, на предиванный столъ огромную камчатную скатерть.

— Привыкъ, вѣдь, ты послѣ вѣды-то и обтираться, дворянскимъ дѣломъ, не полотенцемъ, а, чай, салфетками, — продолжалъ онъ и выкрикнулъ своего молодца, который стоялъ за дверями. Худой и длинный, какъ шесть, парень явился съ узломъ.

— Вотъ, пока, на дюжинку, а, можетъ, и двѣ твоя барынька выкроить.

Солідный человѣкъ во все время не терялъ шутиваго, веселаго тона, но, сѣвъ на диванъ и опершись обѣими руками на колѣни раздвинутыхъ ногъ, вздохнулъ, покачалъ головою и пристально взглянулъ на хозяина.

— Больно что-то крѣпко холодкомъ потануло отъ Костромы. Слышалъ, чай?

— Было повторительное секретное предписаніе...

— Все меня соблюдаютъ. Слышалъ, что протопопъ на-дняхъ туда ѣздитъ и красавецъ отъ вашъ въ походъ собирается. Готовишь подводы-то?

— Четверку подъ его карету, тройку подъ протодьякона, три пары подъ пѣвчихъ и одну подъ прислугу.

— Многовѣкъ. Тяжеленько мужикамъ-то будетъ въ эту рабочую пору... Больно ужъ сильно воинство, не испугаться ли мнѣ?

— Можетъ быть, и на этотъ разъ мимо проѣдетъ.

— Не захочетъ, думаешь, оскверняться? Ладно бы такъ-то!.. Изъ Москвы худыя вѣсти привезли. Хромой графъ, что вотъ надъ этими ребятами самый большой начальникъ, взялъ, слышно, костью своей и пошелъ прямо на насъ. Мнѣ отъ него первая петля. И красавецъ-отъ въ Ипатьевскомъ развоевался: доносъ за доносомъ пишетъ въ Питеръ. Меня кланетъ и грозится большимъ судомъ. Сдается мнѣ, что подходятъ мнѣ послѣдніе часы и, можетъ быть, я въ послѣдній разъ говорю съ тобой!

Какъ ни старался Папулинъ говорить обычными старовѣрамъ иносказаніями, мнѣ и тогда понятно было, что намеки шли на архіерея Владимира (Алявдина) и графа С. Г. Строганова, бывшаго тогда попечителемъ московскаго учебнаго округа. Ходили слухи, — всякій ямщикъ рассказывалъ намъ объ этомъ, — что Папулинъ отвалилъ всѣхъ судиславскихъ жителей отъ обонихъ православныхъ городскихъ приходовъ. Толковали даже такъ, что видѣли соборнаго дьякона, какъ онъ выбѣгалъ на мостъ и протягивалъ къ проѣзжающимъ руку за милостынею. Церковь въ слободѣ уже давно стояла безъ звону и мѣстный священникъ вызванъ былъ въ Кострому и нанимался служить раннія обѣды по четвертаку за службу, да чтобы

покормили объдомъ. Сосчитали также, что всего въ два-три года произвелъ Папулинъ это плѣненіе, что жалобы на него посылались куда слѣдовало, а онъ продолжалъ дѣло безъ помѣхи и даже съ возрастающимъ успѣхомъ. Подъ влияніемъ его состояли не только всѣ едосѣвскія общины въ Костромской губерніи, но, по вѣрнымъ слухамъ, даже и тѣ, которыя были разбросаны по Ярославской и Тверской. Хорошо извѣстно было намъ также и то, что, главнымъ образомъ, онъ производилъ торговлю не полотнами и скатертями, а такимъ товаромъ, которымъ нигдѣ за границею не торгуютъ, а прознавшіе тамъ о подобной статьѣ засмѣялись бы и не повѣрили. Николай Андреевичъ производилъ оптовую торговлю грибами во всѣхъ ихъ ботаническихъ и кудинарныхъ видахъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, сушеный бѣлый грибъ со связнымъ отливомъ меадръ или бухтармы, наизанный на суровыя нитки, въ вязкахъ. За нимъ, цѣною гораздо подешевле и достоинствомъ ниже, также сушеные, наизанные въ вязки, слѣдовали черные грибы (масленки съ зеленоватою бухтармою), красные (боровики, подосиновики). На мѣстахъ сборовъ солеными и здѣсь, въ оптовомъ складѣ, сортированными поступали въ грибной товаръ: рыжики, грузди, свинари и т. д. Эти сорта сбывались въ кадушкахъ, которыя, на этотъ разъ, изготовлялись въ ближнемъ лѣсномъ городкѣ Кадый. Текскимъ дѣломъ Папулинъ занялся лишь въ послѣднее время, соблазнившись близостью (всего 50 верстъ) кинешемскаго или, вѣрнѣе, вичужскаго фабричнаго округа, но велъ его въ исключеніе, а, по слухамъ, просто для прикрытія (да и велъ ли еще?). Подъ видомъ рабочихъ у него жили подъ попеченіемъ и на прокормѣ тѣ ревнители едосѣвщины, которымъ угрожала опасность въ другихъ мѣстахъ и надо было скрываться. Для укрытія у него находился подъ рукою тотъ дремучій лѣсъ, въ которомъ самъ чертъ искалъ три года этотъ городъ Кадый, износилъ три пары лапотковъ и все-таки не нашелъ. Въ 15-ти верстахъ отъ Судиславля Папулинъ владѣлъ двумя мельницами: одна называлась „Калишкою“, а другая „Шемякиною“. Когда въ 1845 году уничтожили его едосѣвскую общину, ютившуюся на самомъ виду городскихъ церквей, онъ перевелъ ее сюда, построилъ избы для жилья и отдѣльную модельню. Изъ Москвы прислали къ нему на поддержку твердаго, какъ адамантъ, наставника, который и помогалъ въ устройствѣ общежитія и въ отправленіяхъ молитвенной службы. Имъ же приняты были и всѣ мѣры къ тому, чтобы укрыть дѣла новой общины и уберечь ее такъ, чтобы она казалась провалившеюся и сгнившею въ болотныхъ трясилахъ. Это, однако, не удалось и покровительство общинамъ своего толка признано было преступленіемъ и названо

пристанодержательствомъ. Это-то обстоятельство и послужило вскорѣ начальнымъ и главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что Папулина, наконецъ, обвинили, схватили и заточили на вѣчно въ Соловецкомъ монастырѣ.

Главнымъ и самымъ надежнымъ потребителемъ „постнаго товара“, конечно, былъ первопрестольный градъ, неизмѣнно вѣрный старотеческимъ обычаямъ. Съ Москвою непосредственно и велъ Папулинъ торговыя сношенія съ своимъ товаромъ, который, въ грудѣ прочихъ, не особенно былъ примѣтенъ, однако, по слухамъ, съ годовымъ оборотомъ на сто тысячъ рублей. На первой недѣлѣ Великаго поста товаръ этотъ выставлялся наружу, изумлялъ своимъ обиліемъ. Выставка его занимала огромное пространство москворѣцкой набережной и привлекала поразительное многолюдство. Въ Москвѣ, издавна привыкшей жить годовыми запасами, сюда сходились хозяйки и бродила между ними голодная бѣдность, которой дозволялось пробовать съѣстной товаръ и она даромъ наѣдалась и соленымъ грибомъ, и соленомъ въ корень рыбомъ, и сладкимъ медомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Впрочемъ, не эта сторона скучнаго дѣла грибной торговли занимаетъ насъ въ настоящее время. Судиславскіе грибы вяжутся съ другою стороною народнаго быта и подсказываютъ данныя, не лишеныя глубокаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи русскаго раскола, въ значеніи новаго эпизода.

Въ то время, когда пеновщина истощалась матеріальными средствами и общинными силами, распадаясь на толки по поводу исканія истиннаго древлеправославнаго священства до архіереинства включительно, — безпоповщина рѣшительно отказалась отъ поповъ и успокоилась на выборныхъ и любимыхъ наставникахъ съ попечителями. Она ширилась и крѣпла, благодаря практическому разуму первыхъ и богатству вторыхъ. Поповцы, нуждаясь въ главномъ священномъ чинѣ и не имѣя его, принуждены были обходиться лишенными сана бѣглецами изъ православной іерархіи, попадали на строптивыхъ и кляузныхъ, терпѣли отъ пьяненькихъ и гулящихъ, принимали единовѣрце и благословенныя церкви и т. д. Безпоповцы, заручившись опытными старцами и мудренными въ книжной премудрости уставщиками, могли находиться въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ относительно этого труднаго вопроса. Первые едва добились въ полтораста лѣтъ до блжкрянницкой митрополіи, вторые давнымъ-давно успокоились на выборныхъ и любимыхъ по образцу выговскихъ общежитій, т. е. по правиламъ поморскаго согласія. Вѣдя борьбу съ господствующимъ исповѣданіемъ въ первыя времена старообрядства подъ однимъ знаменемъ,

сами старовѣры распались, такимъ образомъ, на два раскола, существенно не согласные, а потому немедленно объявились лютыми врагами другъ друга. Они перестали общаться не только въ молитвѣ, но и въ пищѣ, впали въ полемическій задоръ и члввели открытую борьбу, которая довела, наконецъ, до смѣшныхъ крайностей и, во всякохъ случаѣ, до полной невозможности примиренія.

Въ средѣ безоповцевъ, въ свою очередь, внѣшнія давленія могущественной власти послужили также причиною внутреннихъ расколовъ. Смутить, прежде всего, женскій вопросъ и сдѣлался предметомъ несогласій и пререканій, тѣмъ болѣе серьезныхъ и оживленныхъ, что въ уставщики и наставники, какъ главы общинъ, попадали, конечно, пожилые люди съ сильно пробившеюся сѣдиною, но не остывшею кровью. Додумались до того, что начали отрицать бракъ, говорить: „Какое же это таинство, когда нѣтъ хриstopодражательныхъ священниковъ, освященныхъ благодатию Св. Духа“? Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость (и это—еодосѣвщина). Женщина, однако, воеобладала крупными правами, дотолѣ не слышанными: она могла также замѣнять попа при освященіи молитвами браковъ, при перекрещиваньи, при исповѣди. На похоронахъ она уже не разводила языческихъ „плачекъ“, а читала молитвы по старопечатнымъ отеческимъ требникамъ. Не всегда была она орудиемъ приманки и поддержкою сластолюбія, но управляла не женскими только, но и мужскими общинами съ такою же самостоятельностью и искусствомъ, какъ мужчины. Вообще, въ дѣлахъ еодосѣвщины женскія услуги чрезвычайны и если мало извѣстны, то потому лишь, что не изслѣдованы ни по вопросамъ о воспитаніи ребятъ въ духѣ толка и обученія ихъ грамотѣ, ни по отношеніямъ ихъ къ толкованію правилъ и распространенію въ народѣ еодосѣвщины.

Всѣ секты согласились на томъ, что съ оскуднѣніемъ благочестія въ правящей церкви наступило предрѣченное антихристово царство и что гонительная власть—его слуги. И вотъ, изъ поморскаго согласія выдѣлилась филипповщина (они же и филиппоны), учившая бѣжать изъ міра и гнущаяся всѣхъ прелестей его. Озлобленность этой самой иррачной и непримиримой секты дошла до того, что послѣдователи ея начали носить за пазухою свои иконы, перестали ѣсть изъ одной чашки, одною ложкою даже съ поморцами и еодосѣвцами, а завершилось все это тѣмъ, что выродилась скрyтническая секта (бyгyновъ). Послѣдователи ея, совершенно покинувъ осѣдную жизнь поморцевъ и еодосѣвцевъ, рѣшились скитаться изъ мѣста въ мѣсто, охотнѣе жить въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ лѣсныхъ

деревушекъ. И всѣ вмѣстѣ—поморцы, филиппоны, еодосѣвцы и скрyтники—до того отчуждились отъ православной церкви, что не только вошли въ нее, но и встать подъ тѣнь вещественной начали считать тягчайшимъ грѣхомъ. Послѣднюю замѣнили молитвенныя избы, которыя, по случаю гонительнаго времени, въ самомъ дѣлѣ скрыты были на задахъ и выѣздахъ, за высокими заборами, даже въ городахъ, находящихся въ Вѣлоруссіи, и даже въ тѣ времена, когда послѣднею владѣла католическая Польша. Здѣсь были и кладбища и развѣшенные при нихъ богадѣльни, которыя полагались обязательными и для каждой, гдѣ бы то ни было устраиваемой молебни. Богатый человѣкъ строилъ зданія, подыскивалъ начетчика. Изъ всего множества знающихъ и опытныхъ, какимъ вообще владѣть еодосѣвщина, онъ выбиралъ самаго лучшаго и собиралъ у себя вѣрное стадо избранныхъ. Богадѣльни приняла видъ монастырей и были таковыми въ силу тѣхъ строгихъ правилъ жизни и твердыхъ догматовъ вѣрованій, какими руководится все наше старовѣріе и въ средѣ его, главнымъ образомъ, безоповщинскіе толки. Послѣднимъ отшельническая жизнь въ особенности полюбилась и тамъ, гдѣ заводился мужской монастырь, непременно выростала и женская обитель. Общинъ не привелось укрѣпиться на избранныхъ мѣстахъ по причинѣ безпрестанныхъ преслѣдованій и потому, что самые крѣпкіе и многолюдные были въ конецъ разорены. Отъ этихъ обитателей на память нынѣшнимъ временамъ и для наблюденія любопытныхъ остались лишь гнилушки, какъ остатки двухъ-этажныхъ келій и обширныхъ скотныхъ дворовъ, да ямы, какъ признаки засыпанныхъ погребовъ и разметанныхъ каменныхъ фундаментовъ. И такая-то судьба постигла тѣ жительства, которыя древнимъ свободнымъ способомъ, любезнымъ народу, устраивались въ обширныя слободы и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по многимъ даннымъ, не могло быть особаго приволя людскому труду, какъ бы ни былъ онъ всеміленъ и многоопытенъ. Таковы поселенія безоповцевъ на крайнемъ сѣверѣ, вродѣ выгорѣцкихъ и лексинскихъ, мезенскихъ и даже такихъ, которыя искали убѣжища на негостеприимной Новой-Землѣ и на гранитныхъ бѣломорскихъ островахъ.

Разсказъ нашъ относится именно къ тому времени, когда гоненія достигли крайнихъ предѣловъ и, стало быть, давали возможность и право усиливаться энергіи до упорства со стороны преслѣдуемыхъ. Прогнанные съ одного мѣста рассѣивались въ разныя стороны, чтобы собраться вновь на болѣе безопасномъ. Втихомолку, съ большою осторожностью, они скучивались, а при усиленныхъ матеріальныхъ пособіяхъ богатыхъ покровителей плотнѣе осѣда-

ли, потому что дороже стояли, какъ гонимые и страдальцы. Замѣчательна при этомъ та быстрота, съ какою организовались едосѣвскія общины, однако, снова для того, чтобы быть въ свое время открытыми, разбитыми и разбросанными на мелкія и ослабленныя кучки. Вѣрующіе, обходившіеся безъ поповъ, продолжали попрежнему кочевать и, представляя въ полномъ смыслѣ слова „бѣгствующую церковь“, не поддавались ни точному учету ихъ количества, ни надлежащему наблюденію за ними со стороны властей. Въ этомъ заключается существенная разница ихъ отъ поповщины и старовѣровъ, т. е. тѣхъ, которые собственно не уклонились въ догматахъ отъ православія, но привязаны лишь къ старымъ церковнымъ книгамъ и обрядамъ. Эти надежно уживались рядомъ съ православными, являя изъ себя сплошныя поселенія, и свободно вѣровали, живя бокъ о бокъ, при благословенныхъ церквахъ, единовѣрческими приходами. Кочевала только поповщинская іерархія, увлекая за собою въ надежныя мѣста особенно гонимыхъ и искренно вѣрующихъ.

Стоекъ и славенъ былъ въ чернораменныхъ заводскихъ лѣсахъ Керженецъ, но ослабѣлъ и онъ, когда возросла Вѣтка въ далекой Бѣлоруссіи и возродились въ черниговскихъ предѣлахъ разомъ 14 большихъ слободъ. Процвѣтала здѣсь старая вѣра съ церквами и общинами и съ монастырями для обою пола ошельниковъ, но появился въ Поволожьѣ Иргизъ—и снова пришлось дѣлить славу и первенство, пока не выродилась старообрядская іерархія въ пущей силѣ и значеніи уже за предѣлами государства—въ австрійской Буковинѣ. „Исправленные“ дома, попы изъ бѣглыхъ замѣнены были рукоположенными безмѣстными греческимъ митрополитомъ и послѣдующими его преемниками въ архіерействѣ. Москва, которая не перестаетъ служить въ миниатюрѣ полнымъ подобіемъ Россіи и, какъ въ зеркалѣ, отражать въ себѣ всякія движенія народной мысли и быта, представляетъ собою наглядныя доказательства тому, насколько поповщина казалась безопасною и вела жизнь поспокойнѣе. Иногородная поповщина не требовала отъ Москвы чрезвычайныхъ усилій въ поддержкѣ матеріальными средствами и исключительныхъ заботъ въ укрѣпленіи ослабѣвшаго среди преслѣдованій религіознаго духа. Въ дѣлахъ этого толка ей не привелось занять первенствующаго мѣста и сдѣлаться руководящимъ центромъ. Предвосхищало у нее славу любое мѣсто и всякій счастливый и находчивый человекъ. Скитокъ „Смоляны“ въ лѣсахъ Заволожья, на рѣчущкѣ Вѣлмашѣ, сдѣлался митрополіею и некнижный старецъ Денисъ (Шуйскій)—главою поповщины только потому, что сберегъ довольно запасъ св. мѣра и даровъ,

освященныхъ еще при патриархѣ Іосифѣ. Преемникъ его, Теодосій, ухитрившійся разыскать въ Калугѣ старую церковь и отслужившій въ ней обѣдню, сталъ вліятелемъ и силенъ лишь потому, что приготовилъ новый запасъ даровъ. Когда поселился онъ за литовскимъ рубежомъ въ Вѣткѣ, самый Керженецъ принужденъ былъ преклониться передъ этою новою митрополіею. Теодосій сталъ во главѣ всего старовѣрія лишь за то, что началъ варить и муръ и снабжать имъ всѣ общины. Не понадобились и денежные капиталы: въ нѣсколько дней изъ дубоваго лѣса, сотнями топоровъ, срубили вѣтвовцы большую церковь съ высочайшею, въ пять пролетовъ, колокольнею.

Безпоповщина, напротивъ, всегда нуждалась въ покровительствѣ и становилась подъ защиту сильныхъ капиталами богачей. Если вообще замѣчается въ ней наклонность искать послѣдователей въ средѣ фабричнаго и заводскаго населенія, то этимъ объясняется и самое существованіе этого старовѣрскаго толка тамъ, гдѣ угнѣздился рабочій народъ, закрѣпощенный на всѣ 24 часа въ сутки, отбившійся отъ сохи и ставшій полукочевымъ и бродячимъ по безнадежности въ жизненныхъ средствахъ и по исключительной зависимости отъ личныхъ капризовъ и денежныхъ сундуковъ хозяевъ. Этимъ объясняется и то выдающееся явленіе, что для безпоповщины богатая Москва стала дѣйствительною главою, а Преображенское кладбище—митрополіею. Она временами лишь раздѣляла нѣкоторую долю вліянія и силы своей съ кое-какими иногородными общинами. Многочисленные (до 50-ти) мелкіе толки безпоповщины были разсыпаны и разъединены,—Москва умѣла сплотить многіе изъ нихъ и выучила дѣйствовать за одно, согласно своей волѣ и благодаря обстоятельствамъ, благоприятно сложившимся для нее одной, въ исключеніи. На сколько умѣло велось это дѣло именно въ тяжкія времена усиленныхъ преслѣдованій, доказываютъ краснорѣчивыя цифры. До 1826 года во всей Москвѣ едва насчитывалось 30 молельныхъ къ началу же сороковыхъ годовъ ихъ было уже до 150. При этомъ и здѣсь, какъ и въ остальной Россіи, безпоповцы силились скучиваться въ сплошное населеніе, но, подъ давленіемъ внѣшнихъ препятствій и обидъ, снова разбивались на отдѣльныя мелкія общины и укрывались гдѣ ни попаало, лишь бы только объявился тамъ богатый и охотливый покровитель. До указаннаго года они гнѣздились около Преображенскаго кладбища, въ Лефортовѣ и по Васманнымъ, послѣ того разсыпались по всей Москвѣ и засѣли гнѣздами безъ разбора и безбоязненно въ городскіе центры и въ Замоскворѣчье. Сила этого толка возростала и отъ умѣлаго веденія дѣла искусными, опытными книжниками, и отъ поддержки фабри-

каптами съ тѣми извѣстными фамиліями, которыя гремѣли не только по Россіи, но и по всей Сибири до китайскихъ предѣловъ и Кяхты. Фабриканты, какъ бы по влеченію особенной мистической силой, готовно шли на помощь именно этой наиболѣе гонимой сектѣ едосѣвщины, опиравшейся, съ другой стороны, на энергію и большія нравственныя силы насгавниковъ. Такой-то умѣлости послѣднихъ и готовной щедрости первыхъ Москва обязана была тѣмъ, что временами принуждена была уступать силу вліянія иногороднимъ общинамъ, въ которыхъ случайно сочетались оба условія: нравственное и матеріальное.

Въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ неожиданно-негаданно для богомольной столицы обнаружился соперникъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было его подозрѣвать. Въ Москвѣ принуждены были вступать съ нимъ въ сдѣлку, стараться установить живыя и прочныя связи и дѣлать самую власть пополамъ.

На большомъ сибирскомъ трактѣ изъ Петербурга, шедшемъ черезъ Кострому на Вятку, расположился тотъ маленький и ничтожный городокъ Судиславль, который Екатериною II оставленъ былъ за штатомъ. Онъ близко примыкалъ къ тому непочатому, по недоступности, дремучему лѣсу, который въ 1839 году устрашилъ всю сѣверную Русь необычайнымъ и страшнымъ явленіемъ лѣсного пожара. Пожаръ длился весь августъ мѣсяць. Отъ сгустившагося дыма солнце нѣсколько недѣль не давало лучей и казалось вырѣзаннымъ изъ фольги кругомъ; природныя цвѣта отъ смрада видоизмѣнились: зелень на поляхъ и огородахъ казалась голубою, красныя крыши отливали желтымъ цвѣтомъ. Въ самый полдень становилось такъ темно, что въ избахъ по деревьямъ начали зажигать огни и работать при лучинѣ. Отъ раскаленного лѣсного воздуха вѣтеръ превратился въ ураганъ. Буря съ вихрями разбрасывала пепель вмѣстѣ съ перегорѣлыми листьями, не долѣвшими лапчатымъ мохомъ, еловою и сосновою хвоею, какъ пухъ, за сотню верстъ отъ пожара и мчала пламя съ усиленною быстротою въ сѣверо-восточномъ направленіи. Она перекинула огонь черезъ рѣку Унжу, загнала въ лѣса по Ветлугѣ и, перебросившись черезъ Волгу, опоясала огненною неодолимою стѣною всѣ тѣ лѣса, которые были смѣжны, тянулись по уѣздамъ трехъ губерній и по рѣкамъ Ветлугѣ и Керженцу и которые, въ особенности, были любезны и дороги всему нашему старовѣрью. Народомъ обуюя небывалый страхъ: въ теченіи всего лѣта почти не было дождя и выпавшій одинъ разъ въ теченіи пяти недѣль лишь только вспрыснулъ сильно потрескавшуюся жадную землю, словно испарившись еще на ходу изъ облаковъ. Къ тому же,

дождевыя капли, пробиваясь сквозь воздухъ, наполненный пепломъ, принимали красноватый оттѣнокъ.

— Идетъ кровавый дождь!—съ замираемъ сердца толковалъ народъ и въ усиленной молитвѣ искалъ успокоенія, ожидая страшнаго суда и конца свѣта. Поднимали православныя изъ церкви иконы и служили безпрестанныя молебны. Старые люди принялись говѣть, исповѣдываться и причащаться.

— Наступаетъ свѣтопредставленіе! — увѣренно повторяли въ каждой деревнѣ. Надѣвали чистыя рубахи, вынимали изъ сундуковъ спрятанные на смертный случай саваны съ длинными рукавами и широкими подолами. Приготовлялись къ кончинѣ. Ждали пришествія антихриста и даже выходили къ нему на встрѣчу, вовсе покидая жилища. По крайней мѣрѣ, когда наступала ночь, рѣдкій рѣшался оставить часовенныя и церковныя площадки и идти спать на печи или на полати. Цѣлые дни проводились подъ открытымъ небомъ въ сосѣдскомъ сообществѣ и на міру, гдѣ и смерть считается красною. На всѣхъ лицахъ написанъ былъ ужасъ. Рѣдкій рѣшался вымолвить слово и въ деревняхъ не замѣчалось обычнаго суетливаго движенія. На бѣду, пришлые слѣпы старцы, усѣвшись въ кружокъ гдѣ нибудь на задахъ селенія, истово разводили тоскливыми, хриплыми голосами:

А и мѣсяць-солнце померкнули:
Не видать луча свѣта блага,—
Словно мать-сыра земля погибаетъ,
Погибаетъ мать-сыра земля, разступается...

— Топнехонько!—мучительно выговаривалъ каждый отъ мала до велика, когда воздухъ до того уже наполнился дымомъ и смрадомъ, что нечѣмъ было дышать, тугѣло зрѣніе, утрачивался вкусъ, ощущалась во рту горечь и захватывало горло до кашля.

Это было время того страшнаго народнаго отчаянія, когда каждый ищетъ утѣшенія въ любомъ ободряющемъ словѣ и прислушивается къ первому указанію, гдѣ искать спасенія. Это время народнаго бѣдствія, въ особенности, пощастливило судиславскимъ начетчикамъ и покровителю ихъ Пацулину. Число послѣдователей быстро увеличилось, сколько по ненаходчивости и равнодушію мѣстнаго духовенства, привыкшаго гнущаться сближеній и лишь исполнять однѣ заказныя требы, столько же въ виду помощи тароватаго богача, умѣвшаго пріютить погорѣлый народъ, спасшійся отъ пламени. Погорѣли въ это время не только деревни и села, но и цѣлый городокъ — историческій Кадый, обойденный и пощажанный татарами и литовскими людьми, но сгорѣвшій весь дотла; уцѣлѣла какииъ-то случаемъ одна лишь кладбищенская деревянная церковь, соборная же Никольская каменная сгорѣла.

Приютилъ Папулинъ весь этотъ обездоленный безнадежно народъ въ своихъ обширныхъ покояхъ и другихъ строеніяхъ; нанималъ на свои средства и частные дома въ судиславской слободкѣ и на посадѣ. Поилъ и кормилъ, навѣщалъ съ ласковою улыбкою и привѣтливимъ словомъ весь этотъ напуганный людъ, видѣвшій самолично всё ужасы дѣснаго пожара: горячимъ дождемъ сыпалась на него расплавленная смола съ вѣковыхъ деревьевъ и негдѣ было укрыться; въ одной сторонѣ бѣшеный огонь зажигалъ тѣ сухари, тѣ старыя дуплистыя деревья, которыя, по ветхости, едва отставались на корню, а охваченныя пламенемъ, они валились на молодыя и здоровыя сосны пылающими головешками; съ визгомъ и свистомъ свертывались въ комки молодыя вѣтки и, склублившись отъ жара въ огненные шары, отрывались вѣтромъ и уносились въ невидимую даль зажигать попутные и еще уцѣлѣвшіе боры. Кругомъ и около шли неудержимо, наступая съ двухъ другихъ сторонъ, двѣ другія огненные стѣны, уже наладившіяся на полное разрушеніе всего, что попадалось имъ на дорогу, съ выстрѣлами, съ пушечною пальбою, со змѣинымъ шипѣніемъ и звѣринымъ воемъ. На время та и другая примолкали, но обманывали: не стало слышно шуму и треску, значитъ, разгорается. Вообще, къ ночи пожаръ, видимо, стихалъ, но снова лукавилъ: налеталъ вѣтеръ бѣшеннымъ порывомъ и снова раздувалъ пламя, и снова разливалось огненное море тамъ, гдѣ рассчитывали найти мѣсто для ночлега и укрытія. Всѣ выбивались изъ силъ, прорубая просѣки, разрывая канавы и пуская встрѣчный пожаръ. Всѣ опускали руки въ полномъ отчаяніи при видѣ, какъ выли собаки, какъ отрывались отъ коновязей лошади, выскакивали съ выгоновъ коровы и ошалѣлыми бросались въ пламя и обгорали, какъ медвѣди скучивались на полянахъ и дѣсныхъ прогалинахъ въ томъ же беззащитномъ до очумѣнія ужасѣ.

Все это живьемъ возставало въ памяти обогрѣтыхъ, успокоенныхъ и накормленныхъ, твердо вѣровавшихъ, что стряслась бѣда—ясное дѣло—за великіе людскіе грѣхи и беззаконія, но за какіе же изъ прочихъ? Не замедлилъ Папулинъ объяснить напрямикъ сомнѣнія церковниковъ и ежедневно показывалъ ту силу вѣры своей, которая наглядно выражалась невозмутимымъ хладнокровіемъ, хлопотами о сегодняшнемъ днѣ. Исно видѣлась твердая вѣра и образно оказывалась въ земныхъ поклонахъ передъ образами, въ продолжительныхъ службахъ въ часовнѣ, благогоубно по вѣсімъ четыремъ стѣнамъ украшенной дорогими иконами. Мрачно съ темныхъ фоновъ смотрѣли изможденные лики и тощія фигуры святыхъ, писанныхъ стариннымъ пошибомъ, рассчитаннымъ именно на устрашеніе напуганнаго воображенія. Войти туда и уми-

латься, искать утѣшенія въ молитвѣ и сладости созерцанія божественныхъ ликовъ можно было не иначе, какъ принявъ повторительное крещеніе—мужчинамъ отъ мужчинъ, женщинамъ отъ наставницъ ихъ же пола—и послѣ многихъ отреченій отъ привычнаго. Здѣсь все необычно и самая молитва требуетъ особаго приѣма и совершается съ такимъ отчужденнымъ благочиніемъ, какого не видывали пригрѣтые новики ни у деревенскихъ часовенъ своихъ, ни въ сельскихъ церквахъ.

Къ этимъ новоприбылымъ, наиболѣе дорогимъ и желаннымъ гостямъ, привычно называемымъ „свораченными“, раньше уже причисляли себя всѣ тѣ изъ мѣщанъ городка, которые измались на скудости житія и въ безвременья. Одинъ сѣялъ на огородѣ лукъ, да самъ его и ѣлъ; другой поторговывалъ тряпьемъ, да и на этомъ раззорился; третій точалъ сапожники, починалъ башмаки, а самъ ходилъ отъ такого промысла круглый годъ босикомъ. Этотъ пробовалъ торговать солью въ развѣсъ, рыбою въ разрѣзъ, соленымъ судакомъ на вѣсъ, да порѣшилъ, что ему въ родномъ мѣстѣ выгоднѣе попытаться торговать лаптами, а потомъ ужъ съ прибылями шататься промежду дворовъ, занимаясь у сосѣдей либо огородецъ вскопать, либо сѣно перетрусить, либо баньку истопить. Кто совсѣмъ сбрелъ отъ бѣдности, а изъ оставшихся многіе словно очумѣли, принявши печь калачи, которыхъ, помимо базарныхъ дней, и покупать здѣсь было некому. Всѣмъ извѣстно это мѣщанское счастье, готовое всегда продать себя во всякую вѣру: было бы умѣе предложеніе съ утѣляющимъ нужду приложеніемъ. Конечно, умный сосѣдъ хорошо знаетъ, съ какой стороны подойти къ оскудѣлому и въ какой день и часъ обмотать тетивами. При этомъ, какая же вѣра безъ проповѣди и не въ этомъ ли главная суть для всякаго, кто назвался попечителемъ или кого выбрали уставщикомъ и въ наставника?

Продвѣтанію Папулинской общины помогало, сверхъ прочаго, также и то, что въ нее присылали изъ Москвы всѣхъ людей, за которыхъ тамъ боялись и которыми, въ то же время, дорожили. Безъ людей, не имѣвшихъ паспортовъ или, облыжно за подкупъ, приписанныхъ неправильно къ московскому и всякому любому мѣщанству, конечно, по силѣ вещей, тутъ не могли обходиться. И затѣмъ, разумѣется, въ пригрѣтыхъ и спрятанныхъ попадали и тѣ ловцы въ человѣцѣхъ, для которыхъ труднѣе было заманить новика, чѣмъ закрѣпить его. Если полиція хватала таковыхъ, Москва успѣвала находить новыхъ и присылать свѣжикъ: извѣстный большимъ подворьемъ Чижовъ умѣлъ на своихъ лошадяхъ провозить и вывозить, наживая деньги и славу и оставаясь у начальства десятки лѣтъ лишь въ сильномъ подозрѣніи.

Къ этому-то живому и дѣятельному приюту пожарное время привлекло новыя силы, увеличивъ численность и прибавивъ славы и вліянія судиславскому старцу.

Вырядится, бывало, Папулинъ въ однорядку-кафтанъ, на которомъ по спинѣ у талии сдѣланы сборки, а на нихъ справа и слѣва вшиты треугольные маленькіе лоскутки; по воротнику и по бортамъ идетъ красный шнурокъ и рядъ серебряныхъ пуговицъ съ чернью, выписанныхъ прямо изъ Устюга, гдѣ только и умѣли выдѣлывать въ тѣ времена таковыя. Волоса на темени у него гладко выстрижены. Пойдетъ бывало онъ въ этомъ молитвенномъ нарядѣ въ часовню слушать всенощную. Тамъ, вмѣстѣ съ прочими, онъ присядетъ на своемъ мѣстѣ прямо на полъ и станетъ ожидать выхода наставника. Появится тотъ самый, что прибылъ изъ Москвы. Тамъ онъ дѣлалъ карды для суконъ и торговалъ въ маломъ скобяномъ ряду, а до того въ Тулѣ съ тремя архіереями имѣлъ состязаніе, защищая еедосѣвщину, и ото всѣхъ съ упрямствомъ и дерзостью отбился. Черезъ это самое онъ прославился на всемъ пространствѣ безпоповщины отъ толоверскихъ скитовъ, вблизи Бѣлаго моря, до земли кубанскихъ казаковъ, примыкающей уже къ Черному морю.

Кадить наставникъ указнымъ способомъ изъ ручной кадильницы, крестообразно; кадитъ Папулину и всѣмъ предстоящимъ, хранящимъ гробовое молчаніе. Восходитъ онъ затѣмъ на амвонъ, провозглашаетъ: „возстаните!“ и ведетъ всенощную службу долго, безъ пропусковъ и отчетливо. На ясно провозносимые возгласы бойкимъ и громкимъ пѣніемъ отвѣчаютъ ему пѣвчіе изъ дѣвушекъ и молодыхъ мужичиъ, занимающіе боковые клиросы. Сквозь открытыя окна выносятся наружу это пѣніе отлично слаженнаго хора, одоголосное, по крюкамъ и съ обычною прыгункою. Какъ нельзя лучше отвѣчаютъ оно настроенію напуганныхъ и тоскующихъ душъ тѣхъ, которые еще не были, послѣ строгой исповѣди и поученія, исправлены, т. е. перекрещены и разрѣшены къ общей молитвѣ. Они лишь издали могли видѣть богато убранный серебряными ризами съ золоченными вѣнчиками и богато освѣщенный восковыми свѣчами и хрустальнымъ лампадами иконостасъ. Могли все это видѣть и умилаться тому, чего они никогда не знавали прежде, какъ все согласно и разомъ, какъ бы по командѣ, бросали на полъ коврыки и становились на колѣни или перебирали въ рукахъ кожаныя лестовки съ кистями кожаныхъ же лепестковъ.

Особенною торжественностью обставлялъ Папулинъ свои моленія и съ особеннымъ усердіемъ клалъ земные поклоны и неустанно перебиралъ лестовку въ это время потому еще, что восходила его звѣзда не надъ одними лишь кинегемскими и галицкими предѣлами. Она начп-

нала ослаблять свѣтъ всѣхъ тѣхъ звѣздъ, которыя сіяли по стогнамъ Москвы, и даже той, которая давно уже играла яркимъ блескомъ надъ самимъ Преображенскимъ кладбищемъ еще со временъ Ильи Ковылина. Пусть на Филяхъ, въ Москвѣ, кичатся неизсякаемыми денежными капиталами, онъ, Папулинъ, овладѣлъ такимъ сокровищемъ, на которое едва ли хватить этихъ капиталовъ. Самъ великій московскій наставникъ Семенъ Кузьмичъ, со всѣмъ соборомъ попечителей и со всѣмъ Преображенскимъ кладбищемъ, явится теперь къ нему и поклонится до самой земли. За совершенный имъ подвигъ въ прославленіи своей вѣры онъ уже предугадывалъ свое мѣсто въ сонмѣ отошедшихъ къ праотцамъ праведниковъ: Ильи Алексѣевича (Ковылина), доставившаго Преображенскому кладбищу уваженіе и покровительство высшаго правительства, и Луки Терентьевича, не только установившаго порядокъ на кладбищѣ, но и учредившаго болѣе десятка единовѣрныхъ общинъ въ различныхъ мѣстахъ. Папулинъ имѣлъ уже право воображать себя сидящимъ рядомъ съ соими въ мѣстѣ „полистомъ и прекрасномъ, въ одеждѣ апостольской“. „На главѣ его вѣнецъ изъ цвѣтовъ райскихъ, сплетенный весьма дивно, на ногахъ сандаліи апостольскія. Триста младенцевъ предтоять ему и дивно и прекрасно поютъ ему по старонарѣчному: Днесъ благодать Святаго Духа нась собра! И то пѣніе превосходить умъ человѣческій!“

Въ безпоповщинѣ, гдѣ привязанность къ старой обрядности, почитаемой древнею, доведена до крайнихъ предѣловъ нетерпимости, наибольшая любовь и усиленное исканіе обращены на старую книгу и старую икону. Въ средѣ еедосѣвцевъ послѣднія въ особенности живы и дѣятельны. Это очевидное явленіе объясняется тѣмъ, что (по свидѣтельству даже несомнѣнныхъ враговъ) самый низшій классъ еедосѣвцевъ столь свѣдущъ въ знаніяхъ священнаго писанія, какъ рѣдко можно найти исповѣдниковъ православія въ средѣ образованнаго общества. Съ малолѣтства, какъ только ребенокъ укрѣпится на ногахъ и начнетъ ходить, его заставляютъ три раза въ день класть „началь“ по семи поклоновъ. Съ первымъ лепетомъ онъ начинаетъ уже затверживать молитвы; въ школѣ, для всѣхъ обязательной, онъ поступаетъ въ руки самыхъ искусныхъ и немилосердно строгихъ мастеровъ, изъ которыхъ каждый въ любой изъ обихъ книжныхъ премудростей—письмѣ и чтеніи—является доточникомъ и во всѣхъ еедосѣвскихъ общинахъ на виду и на счету. Одинъ съ такимъ искусствомъ переписываетъ сказанія съ книги, что хорошій знатокъ съ трудомъ разбираетъ поддѣлку; другой настолько начетливъ, что не выстаиваютъ въ спорахъ съ нимъ церковники-никониане. На обычныхъ всѣмъ старовѣрамъ начаткахъ премудрости въ еедосѣвщинѣ

не останавливаются, а идут гораздо дальше: часословъ смѣняется тріодами, псалтырь—писаніями ветхозавѣтныхъ пророковъ и т. п. Во всемъ множествѣ апокрифическихъ книгъ разбирается потомъ каждый изъ юношей, вернувшись изъ лавки и отъ дневныхъ работъ, и списываетъ полууставомъ для себя интересное изъ книги, полученной на поддержаніе и для прочтенія. Всегда суровая и строгая домашняя жизнь, которую отчуждаютъ правила секты отъ всѣхъ развлеченій, представляетъ единственный выходъ въ постоянное чтеніе, размысленія и бесѣды. Въ семьѣ изгнано всякое поползновеніе къ расточительности и во всемъ установлены границы самаго строгаго, истинно-монашескаго воздержанія. Ни одинъ едосѣвецъ, даже очень богатый, не позволитъ себѣ оскверниться одною каплею постнаго масла, одною ложкою горячей пищи въ обѣ великія недѣли Великаго поста и т. под. Поразительное безмолвіе, темнота во всѣхъ покояхъ, давящее уныніе—царствуютъ въ домахъ этихъ людей, которые бережливы до скарденности, скупы до алчности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицеѣрны до крайностей пустосвятства. Въ этихъ условіяхъ закаляется едосѣвецъ, дѣйствительно, въ такого книжника, съ которымъ споръ становится не только невозможнымъ, въ виду его упornaго самогнѣнія, но и досадно-оскорбительнымъ по причинѣ непреодолимаго упрямства начитавшихся до пресыщенія. Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, если изъ подобной среды, силою и рядомъ, выдѣляются и стойкіе оберегатели вѣровавшаго секты и практичные руководители дѣлами всей общины, умѣлые пріобрѣсти и сберечь, и наилучшіе знатоки по иконографіи, по оцѣнкѣ пошибовъ письма старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Ни въ одной сектѣ не поставлено это дѣло на такую прочную почву и не идетъ такимъ правильно намѣченнымъ путемъ. Здѣсь народились и тѣ знатоки-самоучки, въ которыхъ бывало нуждались и отъ которыхъ многому научились наши историки, археологи, археографы, нумизматы и т. д.

Для прочихъ старовѣровъ съ удобствомъ служить и вполнѣ удовлетворяетъ живую потребность село Палѣхъ, гдѣ пишутся иконы по стариннымъ подлинникамъ, и село Мстера, не только приготавливающее новыя, но и починающее старыя иконы. Для нихъ же, владѣющихъ менѣе опытнымъ глазомъ, сходять съ рукъ и многочисленныя поддѣлки, выражающіяся въ искусственныхъ трещинахъ, въ скоробленныхъ доскахъ въ мѣстахъ, отставшихъ отъ грунта, въ краскахъ и т. д. Для нихъ же на сырую глину оттискивается рельефъ истоиво-старога мѣднаго образа (столь любимаго старовѣрами *)), въ полученную форму заливается

*) Любимыя металлическіе образа собственно по той причинѣ, что сдѣланы не погаными ру-

расплавленная мѣдь; остывшій образъ держится надъ парами нашатыря, зеленая мѣдь превращается въ красную и образъ принимаетъ закончѣнный старинный видъ. Теперь надо уже звать именно едосѣвца, чтобы онъ разобрался въ искусной поддѣлкѣ и тонко доказалъ всѣ погрѣшности и отступленія. Въ иконахъ, рукописяхъ и книгахъ любой самоучка-знатокъ разбирается, намѣчая цѣну, съ такимъ же искусствомъ и легкостью, какъ иной торговый приказчикъ, посѣдимый на производствѣ въ теченіи многихъ лѣтъ все однихъ и тѣхъ же сортовъ товара.

Вниманіе едосѣвцевъ обращено совсѣмъ въ другую сторону: на подлинныя и живыя предметы. Нѣкоторые изъ едосѣвцевъ были сосланы въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ богатыя московскія молеельни украсились иконами изъ тамошняго Спасскаго собора, писанными еще въ то время, когда св. митрополитъ московскій Филиппъ былъ тамъ игуменомъ. Своимъ знакомствомъ съ монахиными и бѣлицами московскихъ монастырей, едосѣвцы научили ихъ снимать во время очередныхъ дежурствъ въ церквахъ указываемыя ими старинныя иконы и поддѣлывать ихъ поддѣльными. Такимъ способомъ, изъ верхняго яруса въ большомъ соборѣ Ново-дѣвичьяго монастыря вынуты были и поддѣнены иконы письма знаменитаго русскаго иконописца Андрея Рублева. Извѣстный знатокъ и любитель подкупилъ сторожа кремлевской церкви Двухнадесяти Апостоловъ и за недорогою цѣною выпросилъ дозволеніе взять къ себѣ на домъ створчатый образъ 12-ти праздниковъ; онъ возвратилъ копію, а драгоценный подлинникъ оставилъ у себя. Онъ же, черезъ подкупленнаго служителя, находившагося неотлучно при продажѣ свѣчей, покупалъ иконы и изъ Успенскаго Вольскаго собора. Торговецъ мѣдною посудою въ Колокольномъ ряду разсмыкалъ съ ходобщиками церковную утварь вмѣстѣ съ шелковыми и шерстяными товарами и изъ губерній Новгородской, Тверской и Псковской получалъ старопечатныя книги и рукописи, выгнѣнныя на шерстяные платки и разныя безцѣнныя бездѣлушки. Одинъ изъ такихъ же ходобщиковъ, продѣлывавшій подходящія торговыя операциі по мелочи въ деревняхъ около Саввы Сторожевскаго и Кирилла Бѣлозерскаго, привезъ къ воротамъ Преображенскаго кладбища цѣлый возъ старинныхъ иконъ безъ окладовъ (которые были проданы у Сухаревой башни отдѣльно); ходобщикъ сдалъ порученную кладь и исчезъ.

Вотъ тѣ видимыя и вѣдомыя источники, изъ ками, а прошли черезъ огонь. Старинныя складни чтутъ даже такъ, что къ владѣльцамъ ихъ ходятъ на поклоненіе, какъ бы въ какое святое мѣсто. При этомъ старую икону стараются обивать, поливая на нее воду рукою. Эту воду слѣвняютъ съ ликовъ въ чистую посуду и, послѣ молитвы, пьютъ, а недопиту выливаютъ въ печь.

которых заручалась богатая еедосѣвщина религиозными сокровищами въ такомъ количествѣ, что съ избыткомъ могла снабжать единомышленныя общины даже въ Сибири и на Дону. Приобрѣтенія эти тѣмъ быстрое исчезали, что самыя моленные требовали иконнаго обилія не только въ таблахъ, замѣняющихъ иконостасы, но и сплосъ по стѣнамъ. Ту моленную и прославляли, въ той часовнѣ и молились охотнѣе, гдѣ не видно было стѣнныхъ просвѣтовъ и всѣ любимыя и требуемыя обычаемъ изображенія были на лицо и стояли на своихъ мѣстахъ. Московскіе богачи находили случаи, по присущему породѣ и природѣ ихъ тщеславію, искать удовлетворенія не только въ дорогихъ окладахъ, но и въ изяществѣ и рѣдкости письма. Они-то, приобретаая иконы не щадя средствъ, уменьшили ихъ количество на рынкѣ и подняли цѣны до недоступной высоты. Специальная лавка у Варварскихъ воротъ превратилась въ археологическій музей, куда можно было лишь приходиться любоваться курсунскимъ или строгановскимъ письмомъ и изумляться тѣмъ высокими цѣнамъ, за которыя приобретались рѣдкости еедосѣвщинами-цѣнителями. За „Воскресеніе Христово съ Возстаніемъ“ письма Никифорова заплачено было 1.700 руб. Серебряные оклады, густо вызолоченные, древней свайной работы, оцѣнивались каждый въ три и болѣе тысячъ. Все это происходило въ виду того обстоятельства, что простыя иконы новѣйшаго письма, но по стариннымъ подлинникамъ, поступаютъ въ руки офенямъ отъ 2 р. до 25 р. за сотню. Только заказныя палѣховскія, сработанныя тщательно на маслѣ и въ томъ миниатюрномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны, возрастаютъ въ цѣнѣ отъ 50 коп. до 1 руб. за каждый ликъ на иконѣ.

Съ усиленіемъ къ сороковымъ годамъ текущаго столѣтія количества еедосѣвскихъ моленъ, изъ которыхъ каждая стремилась заручиться какою либо подлинною старинною рѣдкостью, чтобы, украсивъ богатымъ окладомъ, сдѣлать ее драгоценностью, — требованія на подобныя изображенія сильно увеличились. Въ это-то самое время Папулинъ изловчился приобрести цѣлую древнюю церковь со всѣмъ ея иконостаснымъ и стѣннымъ украшеніемъ. Изумленная до восхищенія еедосѣвщина даже смутилась отъ такого отчаяннаго и крупнаго подвига, который неизбѣжно долженъ былъ загремѣть, не могъ укрыться и не повлечь за собою роковыхъ послѣдствій. Только привычка жить и дѣйствовать подъ постояннымъ страхомъ преслѣдованій, научившихъ не бояться опасностей и искать приключеній, изловчаться на скользкомъ пути и обѣгать разверстыя пропасти, — привычка помогла осилить тяжелыя впечатлѣнія отъ дерзкаго, но, очевидно, обдуманнаго и тонко проведеннаго предпріятія Па-

пулина. Преображенское кладбище и, въ особенности, настоятель его, Семень Кузьмичъ, приняли самое дѣятельное участіе и постѣшили оказать надлежащую помощь, когда она потребовалась рѣшительнымъ и смѣлымъ приобретаателемъ. Такой случай повторился въ первый разъ послѣ едва памятнаго подобнаго же и, во всякомъ случаѣ, черезъ полтора года.

Въ городѣ Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, гдѣ, во времена Грознаго царя именитые люди братья Строгановы на вываркѣ соли наживали основы послѣдующихъ несметныхъ родовыхъ богатствъ, ими построены богатая церква. Соборная Введенскаго монастыря, испещренная фронтонами и колоннами, выстѣченными изъ бѣлаго камня и разноцвѣтными кафельными украшеніями по всѣмъ наружнымъ стѣнамъ, уступаетъ въ изяществѣ одному лишь Василию Блаженному. Всеградская соборная Благовѣщенская церковь, огромнѣйшее готическое зданіе, издавна славилась древностю иконъ, богатствомъ одежды и утвари. Отъ двухъ пожаровъ уцѣлѣли соборныя драгоценности и между ними такая, какъ холстинный саккошь, покрытый живописными образами и приписываемый св. Стефану Перискому. Строгановы, очевидно, не щадили средствъ на приобретение именно рѣдкостей и драгоценностей, а заботу о церковномъ благолѣпін простерли даже до того, что выписали изъ Италіи мастеровъ и поселили ихъ у себя съ семьями. Этими зодчими, кромѣ храмовъ, построены были и жилия каменные и деревянные палаты, также наполненные дорогими и рѣдкими иконами. Заведена была особенная школа иконописцевъ, слава которой дошла до нашихъ временъ. Позднѣйшіе потомки ихъ, увлеченные государственною службою и громадными дѣлами на Уралѣ, забыли о сольвычегодскихъ сокровищахъ. Ихъ-то и замѣтилъ тотъ проницательный глазъ, который до тѣхъ поръ высматривалъ лишь боровыя грибныя мѣста. Съ помощью галицкихъ единовѣрцевъ, закупавшихъ въ тѣхъ лѣсистыхъ мѣстахъ сырыя мѣха на выдѣлку въ селеніи Шокшѣ, доискался онъ до этихъ забытыхъ сокровищъ. Съѣздить туда самъ, осмотрѣлъ, залюбовался и, найдя покладливаго человѣка въ протопопѣ, повелъ съ нимъ тайныя рѣчи. Рѣшено было большое дѣло легкимъ способомъ на томъ, чтобы испросить у синода разрѣшеніе продать обветшавшія и яко бы уже совсѣмъ облупившіяся старыя иконы и на вырученныя деньги, приблизительно въ тысячу рублей ассигн., починить и поновить разрушающіеся графскіе терема и дворець, какъ историческіе памятники. Синодъ не замедлилъ заочнымъ благословеніемъ, а Папулинъ — выдачею настоятелю собора условленной суммы, сверхъ смѣтной тысячи, другую за хлопоты и легкую сговорчивость. Первою „ты-

сячею умалилъ рудѣ протопресвитера Ник. Анд. Папулинъ“, какъ задаткомъ,—говоритъ народное преданіе,—и общалъ остальные шесть тысячъ вручить, когда окончено будетъ все предпріятіе и иконы положены будутъ на воза. Съ пустыми возами пріѣхалъ Папулинъ обратно, съѣздивъ домой за условленною, крупною по тому времени платежною суммою. Онъ остановился въ ближайшей деревнѣ, приказавъ извозчикамъ покормить тутъ лошадей, и, какъ тать въ нощи, сходилъ навѣдаться о томъ, не раздумали ли. На другой день иконы въ соборѣ составили съ мѣстъ еще засвѣтло и приготовили къ отправкѣ. Деньги вручены были немедленно и, позднею ночью, тронулся обозъ на 12-ти лошадяхъ и на шести парахъ подводъ со всѣми предосторожностями отъ недобрыхъ людей и съ иконами количествомъ до 1.350. Тутъ были и мѣстные, мѣрою въ 3 аршина, и складни изъ 5 и 3 иконъ, и походныя полковныя, „писанныя нынѣшнему свѣту на удивленіе (продолжаетъ записанное свидѣтельство само-видца), въ полномъ видѣ какъ въ рисовкѣ, такъ и въ прочности заготовки; и въ изображеніи красокъ, свѣтлости и прочности удивленіемъ состоятъ для нынѣшнихъ изографовъ, какіе у князей были писцы и какъ занимались искусно и не жалѣли времени“ и т. д. *).

„Въ настатіи гѣта того года (продолжаетъ писать откровенный свидѣтель), гдѣ иконы стояли, на стѣнахъ по краскѣ раскинуты разные цвѣты и травы, съ отливкою разныхъ красокъ по древнему вкусу, а болѣе, чтобы ихъ плутовство не оказалось“.

У Папулина, во всякомъ случаѣ, на возахъ оказались иконы, писанныя св. Петромъ митрополитомъ, извѣстнымъ изографомъ, — именно Петровская Умиленія и копія Владимирской (Пирогощи). Этими иконами благословляли московскіе патриархи именитыхъ людей Строгановыхъ (и свидѣтельствовали о томъ собственноручными надписями на оборотной сторонѣ досокъ), когда братья, сыновья или племянники пріѣзжали въ Москву и являлись въ дни св. Пасхи христосоваться съ царемъ и патриархомъ,

*) Пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя нашелъ въ Дневныхъ дозорныхъ запискахъ о московскихъ раскольникахъ, отысканныхъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ, неутомимымъ искателемъ слѣдовъ родной старины и ея возстановителемъ въ Ростовѣ, А. А. Титовымъ. Эти записки, очевидно, писанныя для г. Липранди, тайно слѣдившаго за движеніями въ средѣ раскольниковъ, напечатаны г. Титовымъ въ 1885 г. въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (кн. II). Вѣроятно, это ученое общество не замедлитъ обнаруженіемъ и второй части, какъ продолженія этихъ записокъ, представляющихъ такой живой матеріалъ, совершенно заново освѣщающій темное дѣло нашего раскола и, въ особенности, едосѣвщины. Къ изданію же надѣюсь возвратиться еще разъ.

поднося тому и другому золотыя монеты на серебряныхъ блюдахъ. Тутъ же, съ прочими иконами куплеиною оказалась и икона „Годъ сѣятыхъ“, подлинно писанная извѣстнымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ.

Привезенныя иконы Папулинъ исправлялъ и подновлялъ, а для этого у него въ Судиславѣ жили три года восемь человекъ мастеровъ. Подновленными онъ украсилъ двѣ свои каменные молельни: мужскую и женскую; другими торговалъ въ Москвѣ при помощи тѣхъ же мастеровъ, а при участіи своего приказчика Николая Семенова, постоянно жившаго въ Петербургѣ, и въ этой столицѣ. Здѣсь этотъ добренннй человекъ торговалъ грибами, салфетками и холстомъ. Въ обозѣ этого товара и съ перекладку съ нимъ онъ возилъ сольвыгодскія иконы и на потребу петербургскихъ едосѣвцевъ для домашнихъ молель и общественной на Волковомъ кладбищѣ. „Денсутъ“ въ трехъ иконахъ продалъ Папулинъ въ Москвѣ за 700 р. Іоанна Претечу съ крыльями, прямоличній на трехъ иконахъ—за 500 руб. Самому Папулину обошлась каждая икона, мелкая и большая, круглымъ счетомъ по 5 рублей, а онъ бралъ за иныя по 250 и выручилъ отъ продажи въ разныхъ губерніи до 13 тысячъ и, сверхъ того, 7 тыс. отъ одного Преображенскаго кладбища *).

Этотъ второй случай въ исторіи раскола—случай похищенія священныхъ украшеній полнаго храма—для главнаго виновника не увѣчался, однако, тѣмъ же успѣхомъ, какъ случилось въ подобный первый разъ. То было въ 1695 году, когда уже упомянутый нами черныи попъ Феодосій, по раззореніи Керженца и послѣ сожженія живымъ товарища его, пошехонскаго дворянина Токмачева, бѣжалъ къ московскимъ рубежамъ и по пути очутился въ Калугѣ. Здѣсь онъ въ ветхой церкви Покрова, стоявшей безъ звона и пѣнія много лѣтъ, купилъ иконостасъ, сооруженный также во времена Ивана Грознаго. Съ нимъ онъ перебрался въ Вѣтку и установилъ его на вѣчныя времена во вновь отстроенной церкви.

Про Папулина весною 1846 года стали доходить въ Москву на Преображенское недобрые слухи. Писали изъ общины его на мельницѣ Калишки, что всѣ иконы, бывшія въ тамошней молельнѣ, взяты земскою полиціей, что забрано даже имущество проживавшихъ тамъ людей, и все это отправлено куда-то на 20 возахъ.

*) Здѣсь эти иконы впоследствии, по настоянію гр. С. Г. Строганова, розыскавали, но кварталный надзиратель, получившій отъ Семена Кузмина двѣ тысячи рублей, отозвался по начальству, что отыскиваемыхъ иконъ на кладбищѣ не имѣется. Между тѣмъ, Семенъ Бузыминъ сольвыгодскими иконами переторговывалъ такъ, напр., за „Распятіе Христа“ получалъ 200 руб. и столько же за „Нерукотворенный Образъ“. Продавалъ не только своимъ едосѣвцамъ, но и поповцамъ на Рождскомъ кладбищѣ.

Груды этих иконъ видѣлъ пишущій эти строки въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, по порученію попечителя учебнаго округа, переписывалъ сольвычегодскій учитель гимназіи. Извѣстно также было, что много иконъ небрежно хранилось въ губерискомъ правленіи (какая судьба постигла тѣ и другія, осталось неизвѣстнымъ). Извѣстно лишь то, что много иконъ успѣли изъ Судиславля препроводить въ разныя мѣста и тамъ припрятать. Тамъ, между прочимъ, изъ другой папулинской общины привезены были воспитанникомъ Папулина въ Москву, на Преображенское кладбище, иконы въ количествѣ тридцати, между которыми были три дорогія строгановскаго письма и изъ нихъ одна, оцѣненная въ 200 рублей.

Вскорѣ за этимъ транспортомъ съ иконами, уже гѣломъ, прибыли на Преображенское кладбище два подручныхъ уставщика изъ судиславскихъ мѣщанъ съ извѣстіемъ, что управление общинами Папулина и устройство быта проживавшихъ тамъ еодосѣвцевъ поручено тому самому Николаю Семенову, который торговалъ въ Петербургѣ грибами и иконами. Начали прѣзжать отсюда же ихъ монахи и монахини, которыхъ преображенскій наставникъ, въ видахъ безопасности и въ расчетѣ на преслѣдованія, отправлялъ въ Судиславль, какъ въ безопасное мѣсто. У него они снова благословлялись теперь, на старомъ мѣстѣ въ Москвѣ, чтобы совершать службы въ молельняхъ ради пропитанія, а двѣ монахини приняты Семеновъ Кузьминымъ въ число сестеръ въ женскую кладбищенскую палату. Еще весной того года Папулинъ надѣялся „угодить мѣстному начальству“ и писалъ о томъ этими словами въ Москву, но посланнаго отсюда для устройства калишкискаго общежитія московскаго мѣщанина Ипата Карпова Папулинъ отправилъ назадъ, чтобы не нанести неприятностей самому Преображенскому кладбищу. Писалъ Папулинъ въ апрѣлѣ, что община его весьма стѣснена надзоромъ тамошняго начальства, а затѣмъ вскорѣ достигъ до Москвы вѣрный слухъ о томъ, что онъ задержанъ полиціею, — слухъ, породившій большія безпокойства въ московскомъ богадѣльномъ домѣ не унывавшихъ доселѣ еодосѣвцевъ. Купленные въ Судиславль иконы, находившіяся въ часовняхъ кладбища, рѣшено было перевѣстить въ безопасное мѣсто, каковымъ оказалась молельная на фабрикѣ одного изъ преображенскихъ радѣтелей, извѣстнаго въ торговомъ мирѣ фабриканта купца Гучкова.

Въ не мѣтѣ надежное мѣсто помѣщенъ былъ и самъ Папулинъ.

Въ одномъ изъ промежутковъ между циклоническими стѣнами Соловецкаго монастыря, складенными изъ громадныхъ дикихъ камней, и стѣнами живыхъ монастырскихъ строеній, въ

сѣверо-западномъ углу, приютилась отдѣльная палата каменная и двухъ-этажная. Часть ея занята казармами караульныхъ солдатъ, присылаемыхъ на определенное время изъ Архангельска съ офицеромъ; другая часть—арестантскими. 12 чулановъ существовали издавна въ нижнемъ этажѣ очень стариннаго зданія, построеннаго еще въ 1615 году. 16 новыхъ чулановъ прилажены были и въ верхнемъ этажѣ въ 1828 году. Тогда уже наступило строгое время преслѣдованія за всяческія убѣжденія, въ томъ числѣ и за религіозныя, въ виду развитія сектъ молоканской и духоборческой. Основателями этихъ сектъ нашихъ рационалистовъ и были впервые оживлены маленькіе соловецкіе чуланы, похожіе болѣе на собачьи конуры. Соловки стали второю по счету живую могилою послѣ таковой же, приспособленной въ городѣ Суздаля, въ тамошнемъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Мнѣ не разрѣшили попасть туда, не смотря на то, что я былъ снабженъ официальной бумагою, предлагавшею оказывать въ моихъ работахъ возможное содѣйствіе. Готовно показывали мнѣ все, что относилось до монастырскаго хозяйства, столь замѣчательнаго своимъ благоустройствомъ и предусмотрительною обеспеченностью. Я видѣлъ даже и ту палатку въ связи съ Преподобнической церковью, въ два этажа, въ которой сложена была разная церковная ветхая утварь, и тѣ иконы, которыя отбирала кемская полиція въ Поморьѣ и доставила изъ разрушенныхъ еодосѣвскихъ скитовъ на Топь-озерѣ и р. Мягриѣ. Приходилось довольствоваться чужими свѣденіями и, безъ личной провѣрки, на нихъ полагаться.

Проѣзжая прелестнымъ чистеннымъ лѣсомъ поперекъ острова изъ главнаго монастыря въ Анзерскій скитъ, я слышалъ отъ своего возницы-монаха:

— Не выдерживаютъ они у насъ, въ умѣ мѣшаются.

Вотъ и примѣръ.

— Одинъ досидѣлся до того, что возмнилъ о себѣ, яко бы звѣрь въ него вселился и самъ онъ сталъ звѣремъ. Встанетъ на четвереньки и сбоку на бокъ качается и хрюкаетъ. Положить его на постель и отвернуться не успѣютъ, какъ онъ опять на томъ же мѣстѣ мотается. Тамъ, гдѣ колѣнками упирался, большія ямки вывертѣлъ, гдѣ руками—поменьше; полъ-отъ въ тѣхъ покояхъ мягкій, кирпичный.

— Не спрашивайте: ни имени, ни фамиліи здѣсь нѣтъ, знаемъ только номера. Вотъ и вашъ подъ 13-мъ, какъ разъ подъ чертовою дюжиной,—поучалъ меня инвалидный капитанъ, на другой день возвращавшійся съ командою въ Архангельскъ и успѣвшій уже на прощанье съ знакомыми монахами подгулять, „наторопиться“, какъ выразился онъ самъ.

Добровольно явился онъ въ мой номеръ монастырской гостиницы въ той же походной формѣ, въ которой сидѣлъ поутру за общою трапезою. Разговаривая со мною, онъ все оглядывался по сторонамъ и, оглядываясь, оправдывался:

— Стѣны здѣсь слышать, вотъ какое строгое мѣсто!.. А землякъ вашъ добрый старикъ и ласковый! Да вотъ какой добрый: когда ни придешь, онъ всякій разъ начинаетъ около себя обыскиваться, шарить на столѣ, заглядываетъ подъ кровать. „Подарилъ бы, говоритъ: что, да взять нечего, все отняли монахи. А сеledки моей вѣсть не станешь самъ не вѣдь, гнилая“.

Офицеръ при этихъ словахъ не только оглянулся и приподнял надъ ухомъ настороженный палецъ, но на пыпочкахъ подкрался къ двери и, быстро отворивъ ее съ видимымъ расчетомъ ударить въ лобъ того, кто тамъ подслушиваетъ, заглянулъ въ длинный и немелный корридоръ. Возвратившись, онъ съ большею смѣлостью говорилъ:

— Доводить до бѣды, потому что исправляютъ. Я готовъ въ рапортъ написать, что нельзя повѣрять монахамъ такихъ людей, которые съ ними переругались. Помилуйте, скажите: я—офицеръ, а къ архимандриту каждое утро долженъ ходить, какъ къ генералу или коменданту, вытягиваться и рапортовать. Онъ выслушаетъ, а чашки чаю не дастъ, гордится предо мною.

Сквозь слегка нескладную болтовню я узналъ отъ этого офицера, что землякъ мой лѣтнею порою сидитъ въ чуланѣ безвыходно, надѣваетъ на носъ большія круглыя очки и безпрестанно читаетъ толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ.

— Кроткому человѣку архимандритъ попускаетъ дать книги, а зимой выпускаетъ съ солдатомъ въ старый соборъ помолиться. Конечно, это дѣло его, онъ здѣсь полный хозяинъ, на комендантскихъ правахъ. Онъ каждого монаха можетъ высѣчь.

— Конечно, безъ солдата и ему я не могу дозволить!— хвастался офицеръ: — Положимъ, что льды обладываютъ монастырь такъ, что не вырвешься. Да, здѣсь держи ухо востро! Вдругъ онъ скрылся: можетъ быть, съ берега прибылъ сюда его сообщникъ. Островъ—отъ очень великъ, есть гдѣ спрятаться. Выждалъ время, посадилъ въ карбасъ и увезъ; здѣшній народъ льдовъ не боится. Да по моему лучше морская пучина, чѣмъ эти чуланы. Я къ тому это говорю, что изъ богомольцевъ много народу приправивалось повидаться съ нимъ, давали имъ хорошія деньги. Я не соглашался, я помню присягу...

Слѣдовала затѣмъ похвальба личными достоинствами, къ которой обычно прибѣгаетъ подъ хитрымъ всякій приниженный человѣкъ. Но-

ваго онъ уже ничего не говорилъ и становился просто докучнымъ. Сталъ онъ просить и отъ меня угощенія, для того совѣтовалъ послать къ самому архимандриту:

— Пришлетъ, хорошаго рому пришлетъ. Хорошо бы пуштыку на дорожку. Давно не пилъ. Твоему приѣзду они не рады. Не поутру имъ. Говорили имъ, что писать будешь, грѣхи ихъ переписывать. Постарайся, сдѣлай одолженіе!

Дальше пошло уже такое все нескладное, настоящій бредъ, что я и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ развязаться съ нимъ. Онъ помогъ имъ тѣмъ, что пообѣщалъ самъ пойти просить рому, и ушелъ.

За него договаривалъ самъ архимандритъ, пожелавшій дополнить мои скудныя свѣденія о Папулинѣ, какъ бы въ утѣшеніе за отказанное личное свиданіе.

— Глубоко огорченъ я былъ, когда, принявъ настоятельство, посѣтилъ тюрьму, неся туда слабое слово утѣшенія,—разказывалъ имъ о. Александръ, прославившійся защитникъ Солонецкаго монастыря во время блокады его англичанами въ Крымскую войну; разказывалъ онъ тѣмъ говоромъ, который обличалъ въ немъ малоросса и который не сумѣло затушевать и обезличить даже столь богатое и типическое архангельское нарѣчіе и, притомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ:—Получилъ я оскорбленіе, откуда не ожидалъ, отъ своего же, такъ сказать, брата духовнаго. Вросился онъ на меня съ зубнымъ скрежетомъ, намѣревался ударить, круто обругалъ. Я уже не давалъ ему настаиваній, ушелъ отъ грѣха. То былъ атеистъ, профессоръ одной изъ духовныхъ семинарій. Номеръ второй обратился ко мнѣ съ крикомъ и слезными жалобами на отца, по просьбѣ котораго онъ и присланъ къ намъ за непочтеніе родительской власти. Я ходатайствовалъ черезъ синодъ и испрошено было повелѣніе, чтобы несчастному отецъ его обязательно высылалъ благопотребную сумму въ приварокъ къ монастырскому продовольствію. Видѣлъ и тринадцатый номеръ и ожидалъ новыхъ оскорбленій; полагалъ— отвернется или приблизится, чтобы сказать укоризненное слово. Взглянулъ онъ на меня изъ подлбья и нависшихъ бровей кроткими глазами, поклонился очень низко, ничего не сказалъ, ничего не просилъ, расположилъ меня къ себѣ своею покорностью и смиреніемъ. Черезъ караульныхъ послѣ выпросилъ книги,—велѣлъ я снабдить. Зимой попросился посѣтить старый соборъ, чтобы тамъ помолиться, я благословилъ. Видѣли вы сами, сколь благолѣпенъ иконостасъ нашего древняго храма постройки московскаго святителя и чудотворца Филиппа. Поклонились и явленной ему иконѣ Богматери, именуемой Хлѣбною, по явленію ея въ не карнѣ. Сказывали имъ монахи, что передъ ея съ особеннымъ усердіемъ молился тотъ № 13 и не

хотѣлъ отрываться. Повторялъ онъ и затѣмъ свои просьбы и я благословлялъ ему таковыя утѣшенія. Не разрѣшилъ я только приносить коврикъ и лестовку, ибо нахожу неблаговиднымъ. Да оно и соблазняетъ производить: зачѣмъ? При предшественникахъ моихъ были случаи обращенія монаховъ въ едосѣвщину отъ проживавшихъ въ обители на волѣ ссыльныхъ. Не удивляйтесь! большинство иноковъ народъ простой и легкомысленный, очень много изъ простыхъ мужиковъ. Когда вступилъ предшественникъ мой Дмитрій, мало нашелъ онъ монаховъ, умѣвшихъ пѣть и читать; изъ мѣстныхъ штатныхъ служителей принужденъ онъ былъ собрать хоръ и сопровождать службы чтеніемъ по полному положенному уставомъ чину. И еще: предлагалъ я № 13-му посѣщать наши богослуженія; онъ отказался рѣшительнымъ образомъ, безъ всякихъ, однако, объясненій. И еще: изъ докладовъ по командѣ замѣчается въ немъ въ послѣднее время какъ бы какое-то внутреннее безпокойство. Пересталъ старецъ разговаривать, какъ бы наложилъ на себя добровольный обѣтъ молчанія. Нарушаетъ его, чтобы говорить все одни и тѣ же слова: „Раззорили, совсѣмъ раззорили!“ Начнетъ ходить по кельѣ взадъ и впередъ, начнетъ рукой махать. Я послѣ того посѣтилъ его; всталъ онъ передо мною, воззрился мутными глазами и спросилъ: „Гдѣ правда?“ Я не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ немного, потомъ крѣпко топнулъ ногою и крикнулъ: „Нѣту правды на землѣ, въ небесахъ она!“ Я распорядился, чтобы не беспокоили его вопросами и не вступали съ нимъ въ подобныя разговоры и подробныя объясненія. Не знаю, исполняютъ ли. А я уже очень давно его не видалъ...

Въ самомъ дѣлѣ, я позволю себѣ въ заключеніе задаться не празднымъ вопросомъ: „гдѣ правда?“ а сопоставленіемъ, въ видахъ сравненія, этихъ двухъ пустосвятыхъ, т. е. Зыкова и Папулина.

Очевидно, велика между ними разниа уже въ томъ, что одинъ воспользовался монастыремъ въ личныхъ эгонистическихъ видахъ, бралъ его, такъ сказать, на прокатъ за дешевую цѣну. Другой тратилъ капиталы на созиданіе своихъ обителей, хлопоталъ объ ихъ прочности, держалъ подъ руками и на глазахъ, но попалъ въ чужую и самую отдаленную, дѣйствительно уже прочно и безъ возврата. Здѣсь только и получилъ онъ темный и грязный чуланъ въ вѣчное владѣніе. Сдружается ли здѣсь мысль карающаго возмездія съ нравственнымъ исправленіемъ?

Вотъ что говорятъ послѣдующіе факты.

Зыковъ, какъ пріѣхалъ за Байкалъ, такъ и началъ получать отъ своихъ московскихъ пріятельницъ и извѣстныхъ благотворительницъ

нѣкоторыя денежныя суммы. Посылали ихъ ему на дѣла милосердія среди каторжнаго люда, а онъ завелъ лошадей, чтобы подрядомъ содержать почту между Карійскими золотыми промыслами, гдѣ именно и стоятъ каторжныя тюрьмы. Умѣвшій ѣздить въ чужихъ экипажахъ, не стѣмилъ возить въ своихъ — и получить отказъ отъ подряда. Началъ опять перебиваться и на получаемыя изъ Москвы деньги запасаться всякими ненужными бездѣлушками, выписывалъ французскіе духи. За темнотою въ комнатѣ при моемъ посѣщеніи, онъ намѣренно, говоритъ, не показавъ, сколько кабинетныхъ пустяковъ накопилъ онъ здѣсь, отъ шерловъ и аксариновъ до пилочекъ для ногтей и ухвертокъ. Когда главный начальникъ заводовъ не разрѣшилъ ему права преподаванія дѣтямъ науки и вовсе не ходатайствовалъ о разрѣшеніи путешествія, онъ жилъ себѣ, не мыкая горя, благодаря московской помощи. Поношенный сюртучекъ, который получилъ онъ въ подарокъ отъ добротныхъ дателей, умѣлъ обряжать такъ, что старенькій сходилъ за совершенно новымъ и франтоватымъ. Не смѣшно и не стыдно ему было въ такомъ по вѣшности улучшенномъ видѣ разсыпать комплименты и подводить турусы на колесахъ даже и послѣ того, какъ въ этомъ же нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ обиженныхъ родителей въ третій разъ поколотилъ его также довольно больно. Среди повсюдной нищеты и сквернаго перебиванья изъ кулька въ рогожку, онъ, все-таки, остался прежнимъ. Когда разрѣшили вгдѣ въ Иркутскѣ, Зыковъ посѣтилъ обавестись собственнымъ возкомъ и, пріобрѣтя рваный и ломаный, ухитилъ и обрядилъ такъ, что хотя бы снова поѣхать въ немъ черезъ Москву въ Донской монастырь торжествующимъ побѣдителемъ. Встрѣтивъ по дорогѣ добрыхъ знакомыхъ, онъ нашелъ возможность угостить ихъ пожарскими котлетами. Изъ Иркутска Зыковъ передвинулся потомъ въ Ялуторовскъ, ближе къ Россіи. Его перетасили бы и черезъ Уральскій хребетъ и сюда, если бы не постигла его вскорѣ нѣсколько запоздалая смерть.

Только бы не гнилая селедка для Папулина въ монастырѣ, прославившемся этою рыбою, которая посѣщаетъ здѣшнія морскія губы въ такомъ множествѣ, что онѣ превращаются въ густую рыбную кашу. Все это, впрочемъ, въ отношеніи самой простой справедливости. Этотъ изъ заточенія просить только одной милости — смиренно помолиться передъ ликомъ древняго начертанія и искренно признаетъ его чудотворнымъ, хотя бы онъ и находился въ никоніанскомъ соборѣ. Этому надо немногого, хотя онъ также не исправился. Но за то Папулинъ смирился, смирился онъ, очевидно, до того личнаго права, чтобы не оставаться въ рукахъ несомнѣнныхъ и доказанныхъ враговъ своихъ.

Въ первомъ случаѣ—безповоротная утрата въ конецъ испорченнаго человѣка. Во второмъ—именно то, что только теперь сознано справедливимъ, когда уничтожены монастырскія тюрьмы. Не погибъ бы Папулинъ, виновный въ пристанодержательствѣ по влеченію фанатизма и правилъ секты и виноватый въ преступленіи святотатства, при облегчающихъ вину

обстоятельствахъ. Здѣсь два пустосвята, но не два брата: одинъ поставлялъ сущность благочестія во внѣшнихъ обрядахъ и суетно успокоивалъ свою совѣсть, домашнимъ способомъ и про себя, мнимымъ богопочитаніемъ. Другой, принявшій на себя подлинную личину ханжи, дерзко и публично, передъ цѣлою Москвою, успѣвшимъ заявить себя преступнымъ лицемеромъ.

Г Л А В А XI.

УБИЙЦА ИЗЪ ПУСТОСВЯТОВЪ.

Публичная казнь.—Голоса изъ толпы.—Молодость и воспитаніе преступника.—Выстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ.—Разнообразныя походы.—Таинственная келья.—Монастырскія послушанія.—Злодѣйскіе приемы.—Убіиство и способы самооправданія.—Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія.—Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе.—Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ.—Кореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова.—Мнѣніе о послѣднемъ соузникѣ.

«На пути по этапамъ я того слышалъ и смотрѣлся, что теперь неохотно читаю романы». (Изъ записокъ декабриста барона Штейнгеля).

Въ первыхъ числахъ августа 1850 г. (какого именно, не упомяну) площадь Охотнаго ряда въ Москвѣ была необычно запружена народомъ. Тамъ, гдѣ пересѣкается Тверская и предполагается начало Моховой, толпа до того загустѣла въ плотную стѣну, что въ самомъ дѣлѣ нельзя было пробить ее ядромъ. Проходящимъ пришлось остановиться и созерцать.

Въ этомъ народномъ множествѣ преобладали молодцы съ подпернутыми фартуками изъ приказчиковъ мясныхъ и курятныхъ лавокъ, обладающіе извѣстною грубостью въ обхожденіи и препрославленною силою, и шатые-разносчики, оглашающіе Москву сотнями выкриковъ и распѣвокъ, которые, за ихъ разнообразіе и оригинальность, давно слѣдовало бы переложить на ноты и записать въ сборникъ пѣсенъ. Были въ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ трактирные полове съ распущенными бородами и тщательно, съ очевиднымъ кокетствомъ, причесанными на головахъ волосами. Толпился тутъ же и всякій тотъ праздный сбродъ, который въ любое время готовъ съ неостывающимъ любопытствомъ подолгу смотрѣть, какъ плыветъ на Москвѣ-рѣкѣ пологно. По разнокалиберности зѣвакъ и по ихъ чрезвычайному многолюдству, возможному только въ Москвѣ, слѣдовало предполагать о предстоящемъ какомъ либо необыкновенномъ зрѣлищѣ; при крестныхъ ходахъ такого собранія не бываетъ.

Жандармы въ каскахъ, съ сердито торчащею щетиною въ гребнѣ изъ конскихъ волосъ, и казаки на купчихъ лошадакахъ, съ дерзко сдвинутыми на-бекрень киверами, успѣли уже сдѣлать свое предопредѣленное дѣло. Толпа крупными огромныхъ жандармскихъ лошадей и при

помощи тяжелыхъ сабель разбита была на двѣ строгія и послушныя стѣнки. Между ними образовался тотъ широкій корридоръ, который и представлялъ собою теперь очевидное и живое продолженіе Тверской до того мѣста, гдѣ влѣзъ ея мимо Лоскутнаго ряда выходитъ на Иверскую площадку. Тамъ, вѣроятно, тоже мѣсиво изъ живыхъ людей толклось и переругивалось, стонало и гудѣло, высаживая локтями задорныхъ, а само, все-таки, напирало впередъ, прямо подъ казакія нагайки и тяжелое холодное оружіе жандармовъ. У насъ толпа, сбившаяся вплотную плечо о плечо, колыкалась, какъ морскія волны, подаваясь вправо и влѣво и назадъ, кажется, отъ одного лишь того, что вотъ этотъ вздумалъ переступить съ ноги на ногу, а тотъ вотъ вздохнулъ полною грудью и нарушилъ напряженное равновѣсіе вытянутой въ струну стѣнки. Казакъ уже не одинъ разъ успѣлъ достать назадъ концомъ нагайки и „смѣрять“ того бунтовщика изъ фабричныхъ ребятъ, который ретиво работалъ плечами, раздражая и надавливая толпу, и который за тычкомъ никогда не гонится, а еще потомъ передъ товарищами хвастается:

— Онъ меня крѣпко ожогъ черезъ правое плечо подъ лѣвое подвздошь, да я ему не покорился.

— У него, надо быть, на концѣ-то пулька вплетена; слѣдовать тебѣ въ баню сходить, отпарить. Вспухнетъ—помрешь; настагаешь вѣникомъ съ мыломъ—отпуститъ.

Зубоскальства въ толпѣ, по обычаю, много. Виноватыхъ и обиженныхъ не щадятъ. Московскій рядскій законъ таковъ, что если и по-